

Памяти А. Д. Чирикова.

Какъ много печальнаго въ жизни харьковского университета за послѣднее время!

Какія тяжелыя утраты выпали на его долю и какъ часто теченіе академической жизни прерывалось похороннымъ перезвономъ церковныхъ колоколовъ...

Давно ли университетъ понесъ невознаградимую утрату въ лицѣ Л. Н. Загурскаго, внезапно покинувшаго этотъ міръ, чтобы перейти въ иной, лучший, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія.

Мрачная тѣнь смерти снова опустилась надъ опечаленнымъ храмомъ науки:

Умеръ П. В. Михинъ.

Незадолго до него скончался Алексенко.

Третьяго дня университетъ узналъ о кончинѣ А. Д. Чирикова...

Покойный А. Д. Чириковъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей науки, имя которыхъ, внѣшнее и духовное обличье, знакомы и близки не только семьямъ ихъ учениковъ, но и далеко за предѣлами ихъ аудиторій, далеко внѣ того уголка, гдѣ протекала ихъ жизнь и творилась любимая работа.

Андрея Дмитриевича Чирикова—даже за послѣднее время, когда преклонныя годы и усталость заставили его отойти въ сторону отъ непосредственнаго вмѣшательства въ гуцу кипучей университетской жизни—знали не только его слушатели, студенты медицинского факультета, но зналъ весь университетъ, знали всѣ студенты, знали и одинаково близкія ему слушательницы женскаго медицинского института.

Было бы странно и грустно, если бы не было видно А. Д. Чирикова на традиціонномъ университетскомъ праздникѣ—17 января,—если бы то или иное студенческое торжество не украсилось присутствіемъ любимаго профессора.

И первый тостъ всегда провозглашался въ честь А. Д. Чирикова:

— За здоровье стараго товарища!

А когда гасли огни, умолкали праздничныя клики,—все же послѣднему, и больше всѣхъ, приходилось страдать за свою популярность этому старому товарищу:

— Господа! Каѣтъ Андрея Дмитриевича!..

Старый профессоръ никогда не избѣгалъ этихъ почетныхъ мученій.

Терпѣль:

— За что же обижать свою молодежь?

И, какъ говорятъ, простудился А. Д.

какъ разъ на послѣднемъ университетскомъ праздникѣ—17 января,—получилъ осложнившееся затѣмъ воспаленіе легкихъ.

А въ этотъ день А. Д. Чирикова его бывшіе и нынѣшніе слушатели и слушательницы, какъ бы движимые невольнымъ предчувствіемъ, чествовали особенно тепло.

И качали его, и цѣловались съ нимъ—искренно, съ чувствомъ никогда не забывавшейся признательности и глубокаго уваженія...

Много лѣтъ А. Д. Чириковъ состоялъ казначеемъ общества вспоможенія нуждающимся студентамъ университета.

Любовнымъ, мягкимъ отношеніемъ къ

А когда гасли они, умоляли праздничные клики,—все же послѣднему, и больше всѣхъ, приходилось страдать за свою популярность этому старому товарищу:

— Господа! Каѣтъ Андрея Дмитриевича!..

Старый профессор никогда не избѣгалъ этихъ почетныхъ мученій.

Терпѣль:

— За что же обижать свою молодежь?

И, какъ говорятъ, простудился А. Д. какъ разъ на послѣднемъ университетскомъ праздникѣ—17 января,—получилъ осложнившееся затѣмъ воспаленіе легкихъ.

А въ этотъ день А. Д. Чирикова его бывшіе и нынѣшніе слушатели и слушательницы, какъ бы движимые невольнымъ предчувствіемъ, чествовали особенно тепло.

И качали его, и цѣловались съ нимъ—искренно, съ чувствомъ никогда не забывавшейся признательности и глубокаго уваженія...

Много лѣтъ А. Д. Чириковъ состоялъ казначеемъ общества вспомошествованія нуждающимся студентамъ университета.

Любовнымъ, мягкимъ отношеніемъ къ массамъ «голоднаго студенчества», мягкимъ и умѣлымъ выполненіемъ своей почетной обязанности онъ и снискалъ себѣ широкую популярность.

Въ дни, когда въ университетской курілкѣ вывѣшивались списки счастливицевъ, получившихъ стипендію, сеуду или пособіе, къ домику А. Д. Чирикова—на Садовую, длинной вереницей тянулись эти счастливицы въ студенческихъ тужуркахъ.

Въ уютной гостиной привѣтливо встрѣчалъ ихъ старый профессоръ, усталый, измученный:

— Ну, во-отъ!.. Ну и поздравляю... Расписывайтесь, collega, и благоденствуйте!..

А часто бывало, что и на другой день приходилось повторять свой визитъ на Садовую:

— Присовѣтуйте, Андрей Дмитриевичъ, какъ быть... Не хватило!..

И въ совѣтъ, всегда приводившемъ къ желаемой цѣли, отказа никогда не было:

— Да придете же потомъ, расскажете, помогло-ли! А то еще подумаемъ!..

И когда «помогло», узнававшій объ этомъ А. Д. искренне радовался:

— Ну, во-отъ! Ну и славу Богу!.. Да, смотрите же, чтобы хватило теперь! А то... знаю я васъ!..

Это у А. Д. всегда можно было «заложить» стипендію или пособіе—чуть не за два мѣсяца до срока ихъ полученія—или перехватить «малую толику» подъ простое письмо отъ родныхъ, извинявшихся за задержку въ высылкѣ денегъ и обѣщающихъ «выслать на-дняхъ».

Часто въ осенніе холодные вечера А. Д. лавливалъ на улицахъ студентовъ, жавшихся отъ стужи въ убогихъ, вѣтромъ подбитыхъ тужуркахъ, безъ всякаго намека на пальто и съ дырками на штиблетѣ, вмѣсто калоши.